Б44 1/19

Безплатное приложеніе къ газетѣ „Окраины Россіи“.

Г44 1/19
Бородкин М.
ГОСУД. РОСС. ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
№ 726
1-III-1927.
БИБЛИОТЕКА.

Къ военному вопросу Финляндіи.

Финляндскій сеймъ нынѣшняго года отказался вотировать изъ временныхъ налоговъ небольшую сумму на военныя нужды Имперіи. Сеймъ распустили. Вотъ гвоздь исторіи Финляндіи послѣднихъ лѣтъ. Въ этихъ нѣсколькихъ строкахъ кроются событія огромной важности, въ которыхъ надо разобраться.

Дѣло идетъ о прерогативахъ Монарха, о суверенныхъ правахъ Россіи, и потому ясно само собой, что мимо подобныхъ вопросовъ нельзя проходить безучастно тѣмъ, кому дороги интересы Родины.

По законамъ Финляндіи, Государь распоряжается статнымъ и милиціоннымъ фондами по Своему усмотрѣнію. Общій статный фондъ—это обыкновенные доходы казны, изъ которыхъ покрываются обыкновенные ея расходы. Милиціонный фондъ образовался изъ доходовъ съ казенныхъ земель, предназначенныхъ въ XVII столѣтіи на содержаніе милиціи. Впослѣдствіи на эти средства содержались финскія войска. Права Монарха распоряжаться этими фондами истекаютъ изъ такъ называемаго нормальнаго штата, установленнаго въ 1696 году властью Карла XI. Согласно этому штату, къ обыкновеннымъ расходамъ относились расходы на

придворное вѣдомство, центральныя установленія, гражданскую администрацію, на военное и морское вѣдомства, на пенсіи и т. п. Эти права Верховной власти строго оберегались шведскими королями и народному представительству или риксдагамъ предоставлялось вотировать налоги лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда обыкновенныхъ доходовъ не хватало на покрытіе государственныхъ нуждъ. Этотъ порядокъ унаслѣдовала Финляндія послѣ 1809 года, «перейдя въ собственность и державное обладаніе Россіи». Никакихъ сомнѣній онъ не вызывалъ, пока въ Финляндіи не возобновились мѣстные сеймы съ 1863 года.

Съ созывомъ земскихъ чиновъ начали расти политическіе апетиты мѣстныхъ дѣльцовъ. Они, конечно, скоро поняли, что истинной властью является та, которая распоряжается средствами края. А такъ какъ главныя средства—статный фондъ—состоялъ въ вѣдѣніи Монарха, то—со стороны сперва разныхъ отдѣльныхъ дѣятелей, а впослѣдствіи и со стороны сейма,—начался рядъ атакъ, съ цѣлью захватить въ свои руки распоряженія главными обыкновенными доходами.

Прерогативы Монарха пытались ограничить разными пріемами и уловками; то покушались захватить таможенныя обложенія, то вводили въ новые проекты статьи о томъ, что сеймъ распоряжается росписью расходовъ и доходовъ и т. п. Но обходы не удались. Въ 1872 г. главный коноводъ финляндскихъ политикановъ враждебныхъ Россіи Л. Мехелинъ внесъ на сеймъ предложеніе о расширеніи бюджетныхъ правъ земскихъ чиновъ. Но въ крестьянскомъ сословіи тальманъ (предсѣдатель) сказалъ: «Третій разъ я занимаю постъ тальмана, но донынѣ земскіе чины дорогого нашего отечества не вносили еще петиціи

такого неумѣстнаго свойства, какъ та, которая теперь внесена и заключаетъ въ себѣ нарушеніе Верховнаго права нашего дорогого и справедливаго Великаго Князя распоряжаться статными средствами». Въ 1877—1878 годахъ, когда сеймъ обсуждалъ вопросъ о воинской повинности, то нѣкоторые ораторы дебатировали спеціальный вопросъ о томъ, кто въ состояніи оказать бо́льшее сопротивленіе русскому правительству—сеймъ или сенатъ—чтобы тому учрежденію передать новыя финансовыя права.

То, что мы видѣли на послѣднихъ сеймахъ Финляндіи, есть не что иное, какъ продолженіе прежней борьбы за финансовыя прерогативы Монарха. Но чтобы понять эту борьбу, надо представить маленькую историческую справку.

Въ 1878 г. Финляндія получила особый уставъ о воинской повинности, по которому и организовала свои войска. Но этотъ уставъ оказался полонъ разныхъ недочетовъ. Финскіе баталіоны были подчинены гражданской власти генералъ-губернатора, а не военной—командующаго войсками. Они, по буквѣ закона, обязаны были присягать не только Монарху, но и народному представительству. Они обязывались защищать «тронъ» (Финляндіи) и тѣмъ *содѣйствовать* оборонѣ Имперіи и т. д. Подобными перлами украшены были сплошь параграфы устава.

При Главномъ Штабѣ уставъ пересмотрѣли и приблизили его къ уставу Имперіи.

Въ это-же время,—а именно 3 февраля 1899 г. состоялся манифестъ объ изданіи законовъ, общихъ для Россіи и Финляндіи. Согласно этому манифесту, проектъ новаго устава о воинской повинности направили черезъ сеймъ и Государственный Совѣтъ.

Сейму надлежало высказать только свое *мнѣніе*, ибо нельзя-же было допустить, чтобы онъ *рѣшалъ* общегосударственные законы.

Сеймъ забурлилъ и представилъ дерзкое заключеніе, въ которомъ финляндцы впервые развили официально теорію своей финляндской государственности. На выходки сейма не обратили особаго вниманія и проектъ провели, согласно указаніямъ манифеста 3-го февраля. Новый уставъ о воинской повинности удостоился Высочайшаго утвержденія. Финляндцы рѣшили не признавать его и не исполнять. Страна замутилась. Финскія войска были упразднены. Оставался лишь гвардейскій баталіонъ. Но такъ какъ пополненіе его новобранцами вызывало большія тренія, то и его упразднили. Финляндія освободилась отъ всякой воинской повинности. Всѣ понимали, что создалось совершенно ненормальное положеніе.

Въ это время успѣлъ сойти въ могилу крупнѣйшій финляндскій генералъ-губернаторъ Н. И. Бобриковъ, коварно сраженный изъ за угла гнуснымъ убійцей.

6-го—19-го января 1905 г. новый генералъ-губернаторъ князь Оболенскій получилъ отъ Мехелина французскую записку, въ которой излагалась политическая програма, коей онъ, князь, обязанъ былъ слѣдовать, дабы пріобрѣсти прочное положеніе въ краѣ. Дѣйствіе новаго устава о воинской повинности предполагалось пріостановить. Мехелинъ находилъ, однако, *правомѣрнымъ, чтобы Финляндія въ теченіе промежуточнаго времени платила ежегодный налогъ, въ размѣрѣ 10 мил. марокъ*, въ распоряженіе военнаго министерства Имперіи. Мехелинъ благосклонно соглашался выплачивать указанную сумму «до тѣхъ поръ, пока

дѣло о воинской повинности не будетъ окончательно рѣшено совмѣстно съ сеймомъ».

Князь Оболенскій поѣхалъ въ Петербургъ. Состоялось совѣщаніе, на которомъ министръ финансовъ согласился съ новымъ предложеніемъ финляндцевъ, а военный министръ не возражалъ. Доложили дѣло Государю и въ результатѣ явились манифестъ (16-го марта 1905 г.) и предложеніе сейму. Его Величество Собственной Державной Властью опредѣлилъ, что новый уставъ о воинской повинности пріостанавливается, а Финляндія впредь обязана, взамѣнъ неотбываемой воинской повинности, уплачивать ежегодно по 10 мил. марокъ изъ статныхъ и милиціонныхъ суммъ; но такъ какъ ихъ не хватило тогда на покрытіе всѣхъ 10 мил. мар., то сейму предложено было асигновать изъ прибылей Финляндскаго банка только недостающія 1.800,000 марокъ.

Сеймъ 1905 года асигновалъ всѣ 10 милліоновъ, но не безъ оговорокъ и не безъ отступленій отъ того, что требовалось. Во-первыхъ, онъ заявилъ, что финляндскій бюджетъ не можетъ быть обремененъ какими либо взносами въ пользу государственнаго казначейства Имперіи, а главное—надлежало асигновать указанную сумму на три года, а сеймъ асигновалъ ее лишь на одинъ годъ.

Это рѣшеніе сейма не было признано Высочайшею властью. Изъ препроводительной бумаги по этому дѣлу министра статсъ-секретаря (отъ 6/19-го іюля 1905 г., за № 1177) видно, что Его Величество, *повелѣвъ перечислить* 7.000,000 марокъ изъ общаго статнаго фонда въ милиціонный *и отпустить въ 1905 году свободные доходы сего послѣдняго фонда государственному казначейству въ пособіе на военныя нужды*, Высочайше

соизволилъ утвердить постановленіе по сему предмету [1]).

22-го октября 1905 г. уставъ о воинской повинности (изд. 1901 г.) былъ окончательно отмѣненъ.

Послѣ сейма 1905 г. начинается утомительная волокита.

Наконецъ, послѣ долгой переписки вопросъ о военномъ платежѣ передали сейму 1907 г.

Къ этому времени Финляндія успѣла получить новый сеймовый уставъ и всесословный однопалатный сеймъ, гдѣ на депутатскихъ скамьяхъ возсѣдали также женщины. Военный вопросъ сильно поднялъ настроеніе новыхъ депутатовъ, среди которыхъ 80% было соціалъ-демократовъ. Во главѣ мѣстнаго правительства стоялъ Мехелинъ, какъ вице-предсѣдатель сената.

При указанной обстановкѣ возобновилась борьба за финансовыя прерогативы Монарха, борьба по вопросу, имѣвшему также отношеніе къ государственной оборонѣ. § 39 Формы правленія 1772 г. вмѣняетъ народнымъ представителямъ въ обязанность вѣрно охранять права Монарха, ни въ чемъ не умаляя ихъ. Несмотря на это, финлянды рѣшили взять приступомъ и разметать еще одинъ оплотъ русской власти; сеймъ всѣми средствами стремился захватить въ свои руки всѣ фонды края. Словесная перестрѣлка завязалась по запросу, сдѣланному сенату. Отъ его имени отвѣчалъ Мехелинъ, который объявилъ, что его сочлены по сенату подали заявленіе, изъ котораго-де ясно, что «никакого возобновленія (денежныхъ) пособій не предполагается» дѣлать русскому казначейству, а что «финскій народъ желаетъ возложить на себя

---

[1]) „Россія“ окт. 1909 г.

бремя *содѣйствія* защитѣ страны и Имперіи» путемъ содержанія своего національнаго финскаго войска.

Изъ рѣчей говорившихъ на сеймѣ 1907 г. ораторовъ необходимо сдѣлать хоть краткія извлеченія, чтобы понять то настроеніе, которое господствовало на нашей окрайнѣ, когда дѣло касалось военнаго вопроса. Представитель соціалистовъ утверждалъ, что русское правительство не смѣло требовать миліоновъ, взамѣнъ воинской повинности, когда волны революціи и забастовокъ поднимались высоко. Волны опустились и требованія возобновились. Но, выдавая миліоны, «мы только ослабляемъ свои средства сопротивленія» (противъ Россіи, конечно).

Другой ораторъ старофинскаго лагеря озабоченъ былъ тѣмъ, чтобы не дать русскимъ людямъ возможности однимъ рѣшить столь важные вопросы.

Третій ораторъ раскрываетъ карты и признаетъ, что *уплата миліоновъ является вопросомъ не финансовымъ и юридическимъ, а прежде всего политическимъ*. А если такъ, то надо осмотрѣть свою позицію. Сильна-ли она? Нѣтъ, она менѣе прочна, чѣмъ при Бобриковѣ и Плеве, почему проф. Рунсбергъ совѣтовалъ сейму платить сполна свои обязательства «безъ увертки», ибо «во всякомъ случаѣ нельзя не признать, что *правовыя соображенія въ пользу отказа въ требуемой суммѣ замѣтно слабы, слишкомъ слабы*».

Изъ дальнѣйшихъ преній, происходившихъ на сеймѣ, видно, что финлядцы стремились поставить русское правительство въ необходимость возобновить финскія войска. Этой мечтѣ финляндскихъ политиковъ едва ли суждено осуществиться, ибо Россія помнитъ, къ чему привела насъ польская національ-

нальная армія, помнитъ, на чемъ воспитывались финскіе баталіоны, маршировавшіе подъ звуки своей марсельезы—бьернеборгскаго марша. Армія должна быть едина и проникнута однимъ духомъ, одушевляемая однимъ патріотизмомъ. Финляндскія же войска знали только свой провинціальный патріотизмъ, ихъ родина кончалась у р. Сестры, а далѣе для нихъ начиналась земля «восточной сосѣдки» Россіи. Такихъ войскъ намъ не надо!

Что же сдѣлалъ въ концѣ концовъ сеймъ 1907 г.? Онъ асигновалъ не дополнительную недостававшую сумму, а всѣ десять ежегодныхъ миліоновъ. Иначе говоря, онъ сдѣлалъ то, о чемъ его не спрашивали и вторгся въ область прерогативъ Монарха, асигновалъ часть того, что уже безъ него было опредѣлено къ выдачѣ единоличной Властью Государя. При этомъ сдѣлалъ въ неприличной формѣ оговорку о томъ, чтобы *безъ промедленія* вопросъ о финскихъ войскахъ былъ разрѣшенъ въ порядкѣ мѣстныхъ основныхъ законовъ, точно вопросъ объ оборонѣ Имперіи, вопросъ только окраины, а не общегосударственный.

Когда постановленіе сейма было доложено Государю Императору, Его Величество соизволилъ 17-го января 1908 г. Собственноручно положить слѣдующую резолюцію: «*Въ виду соображеній, высказанныхъ сеймомъ во всеподданнѣйшемъ отзывѣ на предложеніе Мое о пособіи на военныя нужды, обращаю вниманіе сейма на то, что распоряженіе средствами статнаго и милиціоннаго фондовъ принадлежитъ исключительно Моему непосредственному усмотрѣнію, а потому, находя сужденія сейма несогласными съ дѣйствующими законами, повелѣваю: перечислить въ ресурсы государственнаго казначей-*

ства 20.000.000 марокъ, съ отнесеніемъ изъ нихъ 16.400.000 марокъ на суммы статнаго и милиціоннаго фондовъ, а 3.600.000 марокъ на вотированные сеймомъ временные налоги».

Во второй разъ состоялась подобная же Высочайшая резолюція, когда повелѣно было сенату, при составленіи росписи на 1908 г. не смѣшивать средствъ, вотируемыхъ сеймомъ, со средствами правительственныхъ статнаго и милиціоннаго фондовъ.

Только въ маѣ 1908 года удалось добиться перечисленія въ государственное казначейство военнаго пособія за 1906 и 1907 г.г.

Въ 1909 году возобновляется прежняя исторія о военномъ пособіи. Сейму этого года вновь надлежало асигновать незначительную сумму, въ дополненіе къ тому, что было опредѣлено уже Верховною Властью. Но финляндскіе агитаторы, пользуясь добротой русской администраціи, начали опять свою недостойную игру, а мѣстные соціалисты проявили прежнее финское упрямство.

24-го сентября сего года появился Высочайшій манифестъ, который устанавливаетъ обязательство финляндской казны уплачивать опредѣленный денежный взносъ взамѣнъ воинской повинности. При этомъ оговорено, что платежъ лишь временная мѣра, пока не будетъ опредѣленъ порядокъ изданія законовъ общегосударственнаго значенія. Манифестъ вновь повелѣваетъ отпускать деньги изъ статнаго и милиціоннаго фондовъ; что же касается недостающихъ суммъ, то для ихъ восполненія указывается особый весьма опредѣленный порядокъ.

Въ краѣ забурлили прежнія антирусскія страсти. Газеты возбуждали представителей сейма не давать денегъ Россіи. Агитація разныхъ редакцій

перешла всякіе предѣлы приличія; онѣ точно забыли, что дѣло шло о серьезномъ государственномъ вопросѣ, исходившемъ отъ Верховной Власти. Между тѣмъ мѣстная печать позволяла себѣ заявлять, что Россія «грабитъ» Финляндію, что русское правительство желаетъ финскими средствами пополнить свои бездонные сундуки и т. п.

Въ одной газетѣ («Savon Työmies») можно было прочесть слѣдующее:

Милiоны на воинскія нужды

. . . . . .

Адмиралы у кормила

. . . . . .

Бомбы въ ходъ!...

. . . . . .

„Оттуда (со стороны Россіи), читаемъ въ одной финской газетѣ, бросали взоры на Финляндію. которой, какъ скоту, предназначенному на убой, дали возможность разжирѣть, а теперь находятъ, что пришла пора зарѣзать его. Объ этомъ уже много лѣтъ кричатъ русскіе хищники, и жадные правительственные чиновники неоднократно старались уничтожить законы, мѣшающіе имъ запустить руку въ казну, собранную трудами нашего народа. Благодаря неспособности нашихъ (финляндскихъ) государственныхъ дѣятелей, попытки *русскихъ грабителей* отчасти удались. Русскіе выдумали опредѣленія и разъясненія къ существующимъ законамъ и теперь на ихъ основаніи милiоны за милiонами переходятъ въ общегосударственную казну“... („Kansan Lehti“ 1909, № 214).

Мы буквально взяли эту выписку изъ первопопавшейся подъ руку финской газеты. Подобными гнусными статьями обилуетъ финляндская печать послѣдняго времени.

Нѣкоторые финляндцы, видимо, устыдились безцеремонности своихъ соотечественниковъ и чувство справедливости подсказало имъ, что требованія Россіи правильны и умѣренны, что по шведской нормѣ Финляндіи пришлось бы платить много разъ болѣе того, что хочетъ получить русское казначейство.

Газета «Kaiku» заявила, что 20 мил. на военныя нужды отнюдь нельзя считать слишкомъ высокими. По шведской пропорціи Финляндіи пришлось бы платить не 20, а цѣлыхъ 50 мил. въ годъ (см. также газету «Kaleva» 1909 г., № 225). Другая газета («Haminan Lehti») имѣла мужество сказать своимъ согражданамъ, чтобы они обратились къ благоразумію, вышли на путь естественныхъ для Финляндіи уступокъ, бросили манію величія, такъ какъ русское правительство вовсе и не думаетъ посягать на финляндскую автономію. Къ сожалѣнію, это лишь единичные голоса, но ихъ возможность и сдѣланныя ими заявленія сами по себѣ уже знаменательны.

Финляндцамъ особенно стыдно клеветать на Россію, ибо ни одна другая часть Имперіи не была столь облагодѣтельствована ею, какъ именно финляндская окраина. Не забудемъ, какъ строго держала ее Швеція. Въ XVII и XVIII в., напримѣръ, Швеція изъ 100 тыс. своего населенія брала въ солдаты 3 тыс., а въ Финляндіи 6 тыс. (Исторія Финляндіи Линдеквиста, стр. 216).

Изъ денежныхъ сборовъ, которые производились съ Финляндіи, 52% оставлялось на удовлетвореніе мѣстныхъ нуждъ, а 48% отправлялось въ Швецію на общегосударственныя потребности (Отамаа, вып. 43, стр. 278. См. также «Москов. Вѣд.» 1909 г., 19-го ноября). Россія же поступаетъ совершенно иначе.

Въ 1867 г. Финляндія желала построить желѣзную дорогу до Петербурга, а наше правительство разрѣшаетъ Финляндіи упразднить 9 поселенныхъ баталіоновъ, а полученныя такимъ образомъ сбереженія употребить на постройку пути. Съ 1867 по 1881 г. Финляндія выставляла въ среднемъ ежегодно около 855 чел., а по нормѣ Россіи Финляндцамъ надлежало выводить въ строй до 19.800 чел.! Въ то время, когда русскій крестьянинъ платилъ на военныя потребности 2 р. 83 коп., финскій крестьянинъ уплачивалъ едва 1 р. 35 коп. На общегосударственныя надобности Финляндія ничего не платила за цѣлое столѣтіе. Это такимъ образомъ единственная страна въ мірѣ, которая ничего не платила на государственныя нужды.

Не привлечена она теперь и къ уплатѣ долга по японской войнѣ, тогда какъ на ея долю падаетъ болѣе 49 мил. рублей. И при наличности указанныхъ условій Финляндія не стыдится кричать на всю Европу, что Россія ее «грабитъ»! Очевидно, что беззастѣнчивость финляндцевъ не знаетъ никакихъ предѣловъ.

Наконецъ, предшествуемый усиленной агитаціей въ мѣстной печати собрался сеймъ 1909 г. и началъ повторять прежнія завѣдомо неправильныя толкованія. Земскіе чины стали ссылаться на § 50 Формы правленія 1772 г. и § 29 Сеймоваго Устава 1869 г. и § 27 Сеймоваго Устава 1906 г. Смыслъ этихъ законовъ тотъ, что земскимъ чинамъ *для свѣдѣнія* сообщаются данныя о состояніи росписи доходовъ и расходовъ. Но отсюда далеко до права сейма *распоряжаться* всѣми фондами. Это первая подтасовка сейма.

Вторая заключается въ неправильномъ толкованіи смысла словъ, что финансы употребляются для

«*блага края*». Прежде всего Государь Императоръ и никто другой опредѣляетъ, что именно является благомъ для края. Это положеніе признавалъ Л. Мехелинъ въ прежнихъ своихъ писаніяхъ, признали и финляндскіе члены смѣшанной комисіи Н. С. Таганцева. Сеймъ желаетъ присвоить себѣ исключительное право толкованія «блага края», а потому прибѣгаетъ къ явнымъ софизмамъ. Кромѣ того, нельзя же заходить такъ далеко въ отрицаніи здраваго смысла, чтобы не признавать назначеніе денегъ *для обороны* Имперіи также полезнымъ и необходимымъ для «блага Финляндіи».

Ларчикъ этой грубой софистики открывается очень просто. Дѣло въ томъ, что нерасположеніе финляндскихъ политиковъ къ Россіи вызываетъ въ нихъ нежеланіе отдавать деньги «*чужому* государству». Взносы военныхъ милліоновъ въ русское казначейство, конечно, въ корнѣ подрываютъ теорію о финляндскомъ государствѣ? Этого обстоятельства финляндскіе дѣльцы, конечно, не могутъ простить русскому правительству.

Попутно финляндцы пытались доказать, что суммы края никоимъ образомъ нельзя назначать для надобностей Имперіи. Исторія говоритъ иное. При Александрѣ I было указано, что остатки по смѣтному фонду будутъ перечислятся въ имперское государственное казначейство. Въ 1818 г. милиціонныя деньги расходовались на надобности русскихъ войскъ. Въ 1821 г. тѣ же деньги шли на постойную потребность нашихъ войскъ. Въ 1859—1868 г. финляндская казна участвовала въ выкупѣ у Даніи зундской пошлины и т. д.

Отказъ сейма 1909 г. отпустить деньги на военныя нужды мотивировался различно разными пар-

тіями. Одни желали получить вновь свои финскія войска, другіе — добиться учрежденія милиціи, третьи—находили, что только рѣшительнымъ отказомъ можно уберечь свою автономію. Во время преній, пасторъ Бекъ, не прерываемый предсѣдателемъ сейма, сказалъ, что узы, связывавшія Финляндію съ Россіей, надо считать порванными. Соціалисты къ этому добавили, что переговоры можно вести только съ русскими революціонерами, а не русскимъ правительствомъ.

Роспускъ сейма никого не смутилъ: его ожидали и даже отчасти желали. Роспускъ просто вышучивался въ печати.

Подводя итоги той борьбѣ, которая ведется въ финляндскомъ сеймѣ по вопросу объ уплатѣ денегъ государственному казначейству, становится яснымъ, что дѣло идетъ объ извѣстномъ принципѣ, а не денежномъ размѣрѣ. Финляндцы напрягаютъ всѣ свои усилія, чтобы получить въ свое полное распоряженіе доходы края. Въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о суммѣ въ 70 миліоновъ марокъ, коими теперь единолично распоряжается Монархъ. Финляндцы выдвинули крупное притязаніе и хотятъ осуществить его путемъ беззастѣнчиваго захвата. Оборона Имперіи объявлена ими «чуждой для Финляндіи цѣлью». «Кто господинъ въ нашей странѣ? Мы, нашъ народъ, нашъ законъ, или чужеземный министръ?» спрашиваютъ ихъ радикалы («Framtid» 1907, № 20). На словахъ финляндскіе юристы, какъ, напримѣръ, Германсонъ, признаютъ, что «Финляндія не можетъ уклониться отъ участія въ обязанностяхъ, обусловленныхъ внѣшнею политикой Россіи», что «общій Монархъ опредѣляетъ, какія требованія Россія можетъ предъявлять къ Финляндіи». Да, на

словахъ, они все это признаютъ. Но на практикѣ сенатъ, сеймъ, статсъ-секретаріатъ, печать и отдѣльныя лица работаютъ въ противоположномъ направленіи, говоря, что «политическія соображенія» побуждаютъ желать развитія бюджетныхъ правъ сейма.

Но съ бюджетнымъ правомъ Финляндіи переплетается вопросъ объ оборонѣ Имперіи. И мы теперь воочію видѣли, какъ финляндская администрація и мѣстные законодатели третируютъ первѣйшія нужды Россіи, а потому намъ естественно желать сохраненія историческихъ финляндскихъ финансовыхъ прерогативъ за Монархомъ, ибо только въ такомъ случаѣ у насъ останется гарантія, что справедливыя требованія Россіи по защитѣ государства будутъ удовлетворяться также и финляндцами. Послѣдніе вѣдь не разъ, болѣе чѣмъ откровенно, заявляли: «все наше конституціонное развитіе (читаемъ въ «Wiborgs Nyheter» 1908 г., № 670) направлено въ сторону, прямо противоположную той, которая указана Высочайшими резолюціями», кои нами приводились выше и сводятся къ тому, что за Монархомъ остаются финансовыя прерогативы. «Гдѣ силой взять нельзя, тамъ надобна ухватка». Такъ и дѣлаютъ въ данномъ случаѣ финляндцы. Они занимаются «толкованіемъ законовъ, несогласнымъ съ ихъ дѣйствительнымъ смысломъ», т. е. прибѣгаютъ къ государственному перевороту («Nya Pressen» 1907, № 319). Сеймъ, присоединяя къ своему постановленію объ асигнованіи средствъ различныя условія, «можетъ присвоить себѣ право устанавливать весь бюджетъ цѣликомъ и сдѣлать присущее Монарху право въ этой области совершенно призрачнымъ» («Hufvudstadsbladet» 1907, № 36, 6-го февраля).

Финляндцы, какъ видите, высказали свою мысль до конца. А потому къ ихъ борьбѣ по разсмотрѣнному здѣсь вопросу надо отнестись особенно осмотрительно. Борьба не кончилась. Слѣдующему сейму вновь придется высказаться по военнымъ платежамъ...

М. Бородкинъ.